

Оленев А.Б. ♦

Проблемы регламентации профессионального права адвоката-защитника по уголовному делу на совершение действий, не противоречащих законодательству российской федерации: теоретический анализ

Цель: Проведение теоретического анализа нормативной регламентации профессионального права адвоката-защитника по уголовному делу на совершение действий, не противоречащих законодательству в зарубежных государствах.

Методология: Использовались исторический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: Автор приходит к выводу о том, что в нормативном закреплении исследуемого профессионального права существует определенный дефект юридической техники, обусловленный различным текстовым закреплением исследуемого права в положениях различных нормативных правовых актов. Предлагается осуществить унификацию использованной законодателем терминологии, а также указать в положениях законодательства на то, что действия адвоката не должны противоречить также и актам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток исследования нормативной регламентации профессионального права адвоката-защитника

♦ **Оленев Александр Борисович** – адвокат, научный сотрудник центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, г. Уфа, Российская Федерация

по уголовному делу на совершение действий, не противоречащих законодательству.

Ключевые слова: адвокат-защитник, профессиональные права адвоката, право адвоката-защитника на совершение действий, не противоречащих законодательству.

Еще в конце XIX в. В. Случевский отмечал: что «задача защитника заключается в том, чтобы всякое определение действующего права, которое может быть объяснено к выгоде обвиняемого, было принято во внимание, чтобы все процессуальные формы, ограждающие интересы обвиняемого, были соблюдены, чтобы извлечь из дела все, что может служить в пользу подсудимого, и подвергнуть критической оценке доказательства обвинения» [19].

Современные исследователи проблем организации и деятельности адвокатуры, в частности А.П. Галоганов, говорят об адвокатуре как о «независимом, самоуправляемом институте гражданского общества, публичной корпорации профессиональных юристов, призванной участвовать в отправлении правосудия и оказывать на профессиональной основе квалифицированную правовую помощь, выполнять возложенную на нее публично-правовую функцию – контролировать соблюдение государством правовых норм» [7]. При этом основой института адвокатуры всегда является его структурная единица – адвокат, т. е., как это следует из положений ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности...», имеющий особый правовой статус независимый профессиональный советник по правовым вопросам.

В юридической литературе традиционно отмечается, что наиболее значимой функцией адвокатуры является обеспечение выполнения функции защиты в уголовном судопроизводстве [13, 20, 22]. Причем, несмотря на то, что адвокат-защитник осуществляет свою деятельность в уголовном процессе в интересах конкретного доверителя (либо группы доверителей),

данная функция всегда имеет публично-правовой характер, поскольку любой индивид, их совокупность и общество в целом заинтересованы в восстановлении каждого нарушения права, поддержании правопорядка в обществе и государстве [13]. По этому поводу совершенно справедливо высказался И.С. Яртых: «...пока адвокат осуществляет свои функции в рамках закона и способствует утверждению правопорядка, он действует в интересах и частного лица, и общества, и государства. Эта его деятельность должна оцениваться как публично-правовая» [23].

По мнению А.В. Рагулина, носящая публично-правовой характер функция защиты «реализуется, начиная с момента совершения представителями стороны обвинения каких-либо действий, направленных на осуществление уголовного преследования физического лица, и оканчивается по миновании всех обстоятельств, которые могут быть разрешены в порядке уголовного судопроизводства, а направленность данной процессуальной функции состоит в опровержении выдвинутого против лица подозрения или обвинения, установлении и доказывании обстоятельств, которые оправдывают, исключают либо смягчают уголовную ответственность, защите личных прав и интересов доверителя, затрагиваемых в процессе осуществления уголовного судопроизводства» [14].

Важнейшее значение в деятельности адвоката-защитника, очевидно, имеют предоставленные ему положениями ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об адвокатской деятельности...») и УПК РФ профессиональные права, которые он вправе реализовывать при осуществлении процессуальной функции защиты, что требуется для соблюдения предусмотренного законом порядка осуществления уголовного судопроизводства [14].

Наряду с этим, надлежащая правовая регламентация совокупности профессиональных прав адвоката-защитника, а точнее наличие предусмотренной законом возможности адвоката-защитника реализовать их на практике, обладает определенным дисциплинирующим действием в

отношении должностных лиц, осуществляющих производство по делу, тем самым их процессуальное закрепление ведет к укреплению законности, без обеспечения которой к государству не может быть применен термин «правовое».

Рассматривая теоретические аспекты регламентации профессиональных прав адвоката-защитника в отечественном законодательстве, необходимо отметить, что к настоящему времени в юридической литературе уже сформулировано принимаемое нами за основу доктринальное определение дефиниции «профессиональные права адвоката-защитника», под которыми А.В. Рагулиным предложено понимать «правовые возможности адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов в юрисдикционных производствах и обеспечению доступа к правосудию, установленные в специальных, межотраслевых, регулятивно-охранительных, процессуально-процедурных юридических нормах» [17].

Следует подчеркнуть, что закрепление в положениях уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре конкретного перечня профессиональных прав адвоката имеет своей целью именно обеспечение права каждого на квалифицированную юридическую помощь, и при этом оно направлено на создание условий для ее оказания. В.Л. Кудрявцев и В.Л. Кудрявцев по этому поводу обосновано замечают, что право на квалифицированную юридическую помощь состоит не только в возложении на адвокатов обязанности оказывать такую помощь, но и в обязанности государства создать все необходимые условия для оказания адвокатом такой помощи [8, 9].

Необходимо иметь в виду, что специфика профессиональных прав адвоката состоит в том, что объем предоставленных ему положениями уголовно-процессуального законодательства прав зависит от правового

статуса того лица, чьи права, свободы и законные интересы представляет адвокат в конкретном уголовном деле [18].

Важным вопросом в рамках рассматриваемой проблематики является проблема юридического соотношения группы профессиональных прав адвоката, определенных в положениях ФЗ «Об адвокатской деятельности...», и группы прав защитника, установленных в положениях УПК РФ.

Если исходить из формально-юридического содержания положений статьи 1 УПК РФ, то порядок осуществления уголовного судопроизводства, а значит и содержание прав всех участников уголовного судопроизводства, в том числе и адвоката-защитника, регламентируется только данным Кодексом, основанным на нормах Конституции Российской Федерации, причем данный порядок является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства, т. е. в том числе и для адвоката-защитника.

В ч. 3 ст. 1 УПК РФ отмечено, что составной частью законодательства, регламентирующего порядок осуществления уголовного судопроизводства, являются также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, причем нормы международного договора имеют приоритет над нормами УПК РФ при их противоречии.

При этом в положениях ст. 7 УПК РФ содержится правило о том, что суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу, а суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом.

В свою очередь в положениях ч. 1 ст. 4 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» указывается, что законодательство об адвокатской

деятельности и адвокатуре состоит не только из данного Федерального закона, но и из других федеральных законов, а также принимаемых в соответствии с ними нормативно-правовых актов Правительства РФ и иных федеральных органов исполнительной власти, а также законов и нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации. Таким образом, с формально-юридической точки зрения получается, что законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре включает в себя, в том числе, и нормы УПК РФ.

В положениях ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» также указывается: «полномочия адвоката, участвующего в качестве защитника доверителя в уголовном судопроизводстве, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации».

Если исходить из содержания ч. 1 ст. 53 УПК РФ, защитник вправе реализовывать предусмотренные УПК РФ права лишь с момента вступления в уголовное дело, а согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Основания для появления у защитника возможности вступить в уголовное дело закрепляются в ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Согласно буквальному толкованию положений п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ во взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 53 УПК РФ до вступления в уголовное дело в качестве защитника адвокат не приобретает прав, предусмотренных данными правовыми нормами.

В то же время адвокат приобретает и имеет возможность осуществлять непосредственную реализацию полномочий, закрепленных в ч. 3 ст. 6 и ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности...», уже в силу своего статуса, а значит при наличии соглашения на оказание юридической помощи, заключенного в соответствии с положениями ст. 25 закона, адвокат сразу же после его заключения вправе применять соответствующие полномочия даже при отсутствии его вступления в уголовное дело в качестве защитника в порядке,

предусмотренном УПК РФ. Это подтверждается и ранее упомянутыми выводами исследователей о том, что момент начала осуществления функции защиты не обязательно должен быть связан по времени со вступлением в уголовное дело [14].

Этот вывод подтверждается правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о том, каким же образом разрешается вопрос о приоритете ФЗ «Об адвокатской деятельности...» над УПК РФ, ведь они оба являются федеральными законами.

Из решений Конституционного Суда Российской Федерации следует, что Суд, основываясь на позиции о приоритете «специального» закона над «общим», в своих Определениях от 8 ноября 2005 г. № 439-О [3] и от 21 октября 2008 г. № 673-О-О [3] обосновано заключил, что ФЗ «Об адвокатской деятельности...» имеет приоритет над нормами УПК РФ в части определения объема прав и обязанностей адвоката [6]. Поэтому если в УПК РФ установлен меньший, чем в ФЗ «Об адвокатской деятельности...», объем прав адвоката-защитника, необходимо руководствоваться положением о приоритете норм ФЗ «Об адвокатской деятельности...».

Также следует отметить, что в 2017 году в положения ст. 49 УПК РФ, устанавливающие порядок участия адвоката в качестве защитника, были внесены изменения, согласно которым в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Таким образом, находит подтверждение положение о том, что адвокат вправе реализовывать свое право на свидание с доверителем, предоставленное ему, в частности п. 5 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности...», до формального вступления в дело в качестве защитника, и, следовательно, о том, что данное право он приобретает в силу своего статуса, а его реализация не ставится законодателем в зависимость от формального признания адвоката защитником и его вступления в дело.

Следует отметить, что по данному вопросу принимались решения Конституционного Суда Российской Федерации [12], однако до настоящего времени в правоприменительной практике проблема осуществления посещения адвокатом подзащитного в следственных изоляторах в ряде субъектов Российской Федерации при отсутствии вступления в дело и какого-либо разрешения от следователя или дознавателя является злободневной [2], а значит по непонятным причинам до сих пор не решена.

Также необходимо обратить внимание на то, что анализ положений действующего законодательства применительно к вопросу о нормативном закреплении в нем положений о праве адвоката-защитника на совершение действий, не противоречащих законодательству, показывает, что существует определенный дефект юридической техники в нормативном закреплении данного профессионального права, обусловленный различным текстовым содержанием соответствующих правовых норм, поскольку в положениях п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» данное право определено текстуально по-иному, чем в положениях п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, что вызывает проблемы как в понимании, так и в применении данных правовых норм.

Так, в п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» указано, что адвокат вправе совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации. Из этого следует, что адвокат вправе совершать любые действия, не противоречащие любым нормам законодательства Российской Федерации, а не только, например, нормам УПК РФ.

В п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ определено, что с момента вступления в уголовное дело защитник вправе использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты. Таким образом, в данной норме указывается на то, что адвокату-защитнику разрешается использовать любые средства и способы защиты, использование которых прямо не запрещено только в положениях УПК РФ, следовательно, положения данной

правовой нормы существенным образом ограничивают перечень нормативных актов, в которых может содержаться запрет на совершение адвокатом-защитником тех или иных действий, в рамках реализации профессионального права на совершение действий, не противоречащих нормам российского законодательства.

Из приведенного выше содержания соответствующих правовых норм возникает еще и вопрос о соотношении дефиниции «действия», употребленной законодателем при конструировании п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...», и дефиниций «средства защиты» и «способы защиты», упомянутых в п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

В толковых словарях русского языка термин «действие» интерпретируется как «проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь», «поступки, поведение» [1].

Исходя из сложившегося общетеоретического подхода, под правовыми средствами понимают комплекс (спектр) правовых явлений, посредством которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей, все то, что принято рассматривать в качестве основных элементов механизма правового регулирования. К правовым средствам относят нормы и принципы права, презумпции и фикции, меры ответственности и меры защиты, способы защиты и меры оперативного воздействия, юридические факты, сделки, договоры, внедоговорные обязательства, правоотношения, субъективные права и юридические обязанности, льготы и поощрения, запреты и наказания. По своей сути правовые средства выражают юридические способы обеспечения законных интересов субъектов права и отражают весь известный науке спектр правовых феноменов, посредством которых решаются экономические и социальные задачи, регламентируются и защищаются субъективные права, гарантируется реальное исполнение юридических обязанностей [21].

При этом некоторые исследователи считают средства защиты и способы защиты разнопорядковыми понятиями: средства защиты, по их мнению, представляют собой «деятельность» и «права адвоката-защитника», а способы защиты – «правила, приемы, методику, обряды защиты» [5]. Другие исследователи отмечают, что средства и способы защиты и средства защиты – это действия, выражающиеся в деятельности адвоката-защитника, которые осуществляются как за рамками процессуальных правоотношений (например, составление ходатайств, жалоб, заявлений), так и в рамках процессуальных правоотношений (участие в следственных действиях) [11]. А.В. Рагулин также полагает, что «понятия «средство защиты» и «способ защиты» в общем имеют одинаковое значение», и указывает, что «под средствами защиты понимаются способы, с помощью которых адвокат и его подзащитный имеют (будут иметь) возможность обосновывать выдвинутую ими версию защиты». [15].

Необходимо также обратить внимание, что в ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации установлено, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, т. е. отдельно о средствах защиты в данной норме не говорится. Однако вряд ли можно себе представить, что авторы Конституции ошибочно упустили из положений данной правовой нормы термин «средства», что косвенно указывает на то, что «способы» и «средства», применительно к вопросу о них как о неотъемлемых элементах защиты права, представляют собой явления одного порядка.

Таким образом, представляется, что с содержательной стороны термины «действия», «средства защиты» и «способы защиты» применительно к содержанию положений п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ необходимо употреблять как синонимы, имея при этом в виду, что к способам защиты может быть отнесен и такой способ, как защита путем бездействия, т. е. воздержания от совершения каких-либо действий. Однако в целях исключения из правоприменительной практики

фактов недопонимания и разнообразного, в том числе противоречащего тексту и смыслу закона, применения соответствующих положений представляется необходимой унификация терминологии, использованной в положениях п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Говоря о содержательном характере действий, которые законодатель имел в виду при конструировании положений в п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, представляется, что данные действия не должны быть запрещены законодательством, однако из буквального толкования положений данных правовых норм возникает более сложный, нежели связанный с рассматриваемыми правовыми нормами проблемный вопрос, а именно о том, каким именно законодательством должны быть запрещены действия, которые не вправе совершать адвокат-защитник: только уголовно-процессуальным или любым? Также возникает еще один важный вопрос: могут ли акты органов адвокатского самоуправления быть отнесены к законодательству в смысле положений в п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ?

При этом необходимо иметь в виду, что в литературе, посвященной теоретическим аспектам понятия и структуры субъективных прав, указывается, что структура субъективного права состоит из трех видов правомочий: «право требования», «право на положительные действия», «правопритязание», причем субъективное право всегда ограничивается рамками закона, устанавливающего своеобразные «рамки правопользования» [4]. Из этого умозаключения применительно к рассматриваемой проблематике следует, что вопрос о том, каким именно законодательством должны быть запрещены действия, которые не вправе совершать адвокат-защитник, является вопросом о рамках правопользования адвокатом-защитником предоставленными ему законом правовыми возможностями совершать те или иные действия.

Анализ юридической литературы показывает, что в правовой доктрине существует ряд основных подходов к дефиниции «законодательство», прежде всего «широкий» и «узкий», причем в первом случае под законодательством понимается вся совокупность нормативных правовых актов, действующих в данный момент на соответствующей территории, во втором – только нормативные правовые акты, принятые в форме закона. Но существует и третья, «максимально широкая», трактовка термина «законодательство», которая предполагает его фактическое отождествление со всем действующим в настоящий момент времени на определенной территории писаным, позитивным правом, что означает распространение действия этого термина не только на всю совокупность нормативных правовых актов, но и другие источники права (договоры нормативного содержания, правовые прецеденты, корпоративные правовые нормы), что в известной степени справедливо, ведь в них также содержатся правовые нормы [10].

Вместе с этим, буквально следуя положениям ч. 1 ст. 4 ФЗ «Об адвокатской деятельности...», необходимо прийти к выводу о том, что само законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре прямо не предусматривает включение в него актов органов адвокатского самоуправления, в то время как положения данных актов в силу иных положений данного закона являются обязательными для адвокатов.

При определении конкретного перечня профессиональных прав адвоката-защитника, состоящих из действий, не противоречащих законодательству, то обстоятельство, что адвокат-защитник в результате наличия у него определенного перечня профессиональных прав имеет возможность противодействовать обвинению, не должно способствовать сокращению его правовых возможностей, поскольку привлечение к уголовной ответственности виновных лиц в равной степени отвечает целям и задачам уголовного судопроизводства, как и освобождение от уголовной ответственности невиновных лиц, что подтверждается, в частности,

положениями ч. 2 ст. 6 УПК РФ, в которой установлено назначение уголовного судопроизводства.

Из анализа современной правовой основы адвокатской деятельности следует, что основным актом органов адвокатского самоуправления, призванным осуществлять правовое регулирование адвокатской деятельности, является Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА).

В ч. 2 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» указывается, что принятый в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

КПЭА теоретически может быть отнесен к законодательству Российской Федерации лишь при понимании данного термина в максимально широкой трактовке, поскольку в силу положений п. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» данный акт принимается Всероссийским съездом адвокатов, т. е. органом адвокатского самоуправления. Утверждение изменений и дополнений в данный акт также осуществляется этим органом. Но в формально-юридическом смысле отнесение КПЭА и иных актов органов адвокатского самоуправления к законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, как уже отмечалось, натывается на препятствие в виде содержания ч. 1 ст. 4 «Об адвокатской деятельности...».

При этом, говоря о содержательной стороне данного акта применительно к рассматриваемой теме исследования, необходимо обратить внимание, что в соответствии с положениями ст. 1 и 2 КПЭА данный акт устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности. Адвокаты вправе в своей деятельности

руководствоваться нормами и правилами Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского Сообщества постольку, поскольку эти правила не противоречат законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре и положениям настоящего Кодекса.

Между тем необходимо отметить, что КПЭА – хотя и основной, но далеко не единственный акт органов адвокатского самоуправления, осуществляющий правовое регулирование адвокатской деятельности применительно к вопросам производства по уголовным делам и участию в нем адвоката-защитника.

Совет ФПА РФ длительное время практикует разработку и принятие различных решений и рекомендаций, положения которых в силу ч. 7 ст. 35 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» обязательны для всех адвокатских палат и адвокатов. С 2017 года обязательным для всех адвокатов стал утвержденный Советом ФПА РФ порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда.

С 2016 г. акты органов адвокатского самоуправления пополнились Стандартами адвокатской деятельности, которые утверждаются, как и КПЭА, Всероссийским съездом адвокатов, разрабатываются Комиссией по этике и стандартам, являющейся коллегиальным органом Федеральной палаты адвокатов РФ.

В силу положений ч. 7 ст. 35 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» данные разъяснения также обязательны для всех адвокатов, в том числе и для тех, кто выступает в качестве защитника в производстве по уголовным делам. Необходимо учесть и то обстоятельство, что с 2017 года акт органа адвокатского самоуправления – порядок, определенный советом Федеральной палаты адвокатов, регламентирующий вопросы назначения адвоката-защитника следователем, дознавателем или судом, был прямо упомянут в положениях ч. 3 и 4 ст. 50 УПК РФ и в части данного вопроса

стал являться обязательным не только для адвокатов, но и для соответствующих должностных лиц государственных органов, осуществляющих расследование или судебное рассмотрение уголовного дела.

Наряду с этим, в силу положений ч. 1 ст. 29 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» структурным элементом органов адвокатского самоуправления являются адвокатские палаты субъектов Российской Федерации, причем они представляют собой негосударственные некоммерческие организации, основанные на обязательном членстве адвокатов одного субъекта Российской Федерации, и на основании ч. 9 ст. 29 решения органов адвокатской палаты, принятые в пределах их компетенции, обязательны для всех членов адвокатской палаты.

На основании данных нормативных установлений адвокат-защитник по уголовному делу, являющийся членом адвокатской палаты, обязан соблюдать решения соответствующей палаты, в том числе и при его участии в производстве по уголовным делам в качестве защитника. Так, например, в Адвокатской палате г. Москвы принят ряд решений, регламентирующих деятельность члена адвокатской палаты г. Москвы, выступающего в качестве адвоката-защитника при производстве по уголовному делу.

Следует при этом отметить, что специфика правового регулирования применительно к актам, принятым адвокатскими палатами субъектов РФ, состоит в том, что данные акты могут вступать и нередко вступают в противоречия друг с другом [17], в то время как способы преодоления коллизий между ними в настоящее время в юридической науке и практике адвокатской деятельности пока еще не разработаны.

Анализ приведенных выше положений нормативных правовых актов, а также актов органов адвокатского самоуправления показывает, что положения п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ нуждаются в корректировке еще и ввиду того, что юридически и фактически на адвоката-защитника по уголовному делу законом возложены

обязанности в рамках осуществления профессиональной деятельности не допускать нарушения не только положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и УПК РФ, но и положений актов органов адвокатского самоуправления, устанавливающих правила, регламентирующие деятельность адвоката-защитника. В то время как нормативные предписания, содержащиеся в положениях п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, оговорки о необходимости соблюдения актов органов адвокатского самоуправления не содержат.

Вышеизложенное приводит нас к мысли о необходимости изложения п. 7 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности...» в следующей редакции: «7) совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации, актам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат».

Пункт 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ требуется изложить в следующей редакции: «11) совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации, актам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат».

Пристатейный библиографический список

1. <https://glosum.ru/Значение-слова-Действие>.
2. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/09/23/56486-kak-v-rossii-meshayut-rabotat-advokatam>.
3. Адвокатская деятельность и адвокатура: сборник нормативных актов и документов / под общ. ред. Е.В. Семеняко, Ю.С. Пилипенко. М.: Информ-Право, 2010. С. 358-365.

4. Азарова Е.С. Генезис пределов правоприменительного усмотрения // Вестник Евразийской академии административных наук. 2014. № 4 (29). С. 95.
5. Варфоломеева Т.В. Криминалистика и профессиональная деятельность защитника. Киев, 1987. С. 31.
6. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / науч. ред. А.Ф. Черданцев. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1984.
7. Галоганов А. Адвокатура России сегодня // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 29.
8. Кудрявцев В.Л., Кудрявцев Вал.Л. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката-защитника // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 26.
9. Кудрявцев В.Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Н. Григорьева. М: Юрлитинформ, 2008. С. 7.
10. Лушникова В.А. «Законодательство»: узкое или широкое понимание? // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 17–20.
11. Макарова З.В. Предмет и средства защиты подозреваемого, обвиняемого // Проблемы уголовно-процессуального права: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры уголовного процесса / отв. ред. А.Н. Ахпанов. Караганда: КЮИ МВД РК им. Б.Бейсенова, 2006. Вып. 5. С. 167–172.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1432-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Калыгиной Наталии Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 8, частью четвертой статьи 49, пунктом 1 части первой статьи 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в

совершении преступлений» // [http:// legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitusionnogo-suda-rfot-23062016-n-1432-o/](http://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitusionnogo-suda-rfot-23062016-n-1432-o/).

13. Печерский В.В. Институт адвокатуры: теория основных понятий и принципов. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 18.

14. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации и зарубежных государствах: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 32.

15. Рагулин А.В. Стратегические принципы участия адвоката-защитника в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2009. № 3 (10). С. 64–75.

16. Рагулина И.Т. Правовой статус стажёра адвоката и помощника адвоката в Российской Федерации (анализ законодательства и практики его применения): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

17. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2015. С. 15.

18. Семенцов В.А., Скребец Г.Г. Участие адвоката защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 92–93.

19. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостройство. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. С. 231.

20. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М., 1982. С. 3.

21. Шершень Т.В. Гражданско-правовые средства защиты прав и интересов потребителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3(17), С. 198.

22. Элькинд П.С. Сущность советского уголовнопроцессуального права. Л.: ЛГУ, 1963. С. 59–63

23. Яртых И.С. Адвокатура и власть. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 22.